

Марджани, бывшего здесь муллой во второй половине XIX века. Здание относится к распространенному типу татарской мечети с минаретом на крыше.

Высокий профессионализм и стилистически грамотное решение здания в формах русского барокко говорят об участии в его постройке русского архитектора. Ряд авторов усматривает в оформлении фасадов почерк В. Кафтырева, выстроившего ряд зданий в Казани. Кто бы ни был предполагаемый русский архитектор, мы определенно знаем о его соавторах-татарах, перечисленных в надписи над входом в здание: «Абу бекр сын Ибрагима, Якуп сын неизвестного, Муртаза сын Юсуфа и Исхак сын Измаила». За исключением указа императрицы, это единственный документ, касающийся постройки мечети, прямо указывающий на истоки любопытных особенностей ее архитектуры.

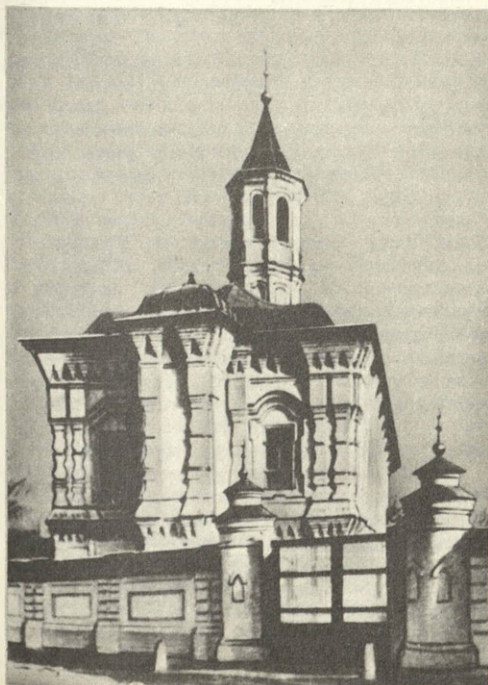
* * *

Недалеко от мечети Марджани находится другой замечательный памятник татарской архитектуры второй половины XVIII века — мечеть Апаанаева. По сведениям Каюма Насыри, мечеть была возведена в 1768 году на средства купца Ибрагима Султанаева вскоре вслед за мечетью Марджани. В разное время эту мечеть называли Байской, Второй приходской, Апаанаевской. По утверждению историка П. М. Дульского, первым изучавшего этот памятник в начале нашего столетия, мечеть была построена по проекту московского архитектора.

Н. Х. Халитов.

Памятник
XVIII в. —
мечеть
Марджани в
Казани.

Памятник
XVIII в. —
мечеть Апаанаева
в Казани.

Тувинская АССР

Каменная сказка

Туву

Путь в Туву через Саяны. Сверху, с самолета, как на картинах Рериха, — синее и белое: ледники и снег под высокогорным кобальтовым небом. Слепяще белый на солнце, глубокий синий в тенях... За Саянами начинается необычность.

Образ каждого края всегда по-своему отражен в искусстве народных художников. Русская Хохлома — грозди красной рябины. Городецкая веселая роспись — словно заливиная гармоника над Волгой. Северная наша Вологда — льдинки-снежинки, кружевной лучистый узор. А здесь, в Туву, в степных просторах, в горной кедровой тайге, — труд скотовода и зоркость охотника, умение видеть природу. И потому ведет свою речь народный мастер о том, что каждодневно понятно и вновь, и вновь удивительно: о норювистых шустрых тувинских коньках, о мохнатых, лобастых яках-сарлыках и обо всех больших и малых обитателях степей, лесов и гор — подбористых и ловких, и смешных, и хищных, добродушно забавных и нелюдимо чуждых руке, взгляду, ласке человека. Это извечная тема тувинского резчика, здесь любовь его и близкая ему красота.

В голубой и зеленой по весне, летом серобурой, сожженной солнцем степи, на берегах Ка-Хема, Бий-Хема и Улуг-Хема — трех Енисеев, трех его истоков, сливающихся воедино, в отрогах Восточного Танну-Ола, в тайге и на пастбище — простор художническому чутью.

Изделия
тувинских
мастеров.

Вот набылчился могучий сарлык — устал от рога, массивный подгрудок чуть не до земли, а хвост, как у коня, задрал кверху, распушил веером. Песня — зверь! Мастер видит эту красоту среди приволья степей — красота отграничена в камне. Или, когда сцепятся в поединке козлы-архары, будто самой природой создан этот недвижный двуединный силуэт, и резчик любуется слитностью линий, форм, роскошными витками рогов.

Кому не ведомо — в искусстве народного художника всегда найдешь отзвук избытком силам земли, и поверья веков, и ту всегда живую в народе шутку, что трогает простодушием и весельем. Грозные с виду, устрашающие собако-львы «арсланы», они отпугивают зло, хранят покой дома, уют очага; из какой дали они пришли в наш день — память о верованиях отцов и дедов? А то, скажем, режет мастер фигурку смешного бегущего зайца. На память приходит тувинская сказка про Ак-Чалгаа — как он охотился на зайца. Загнал однажды Ак-Чалгаа зайца в нору, а у норы было два выхода. Один он шапкой заткнул, а через другой стал стращать зайца. Заяц с перепугу кинулся, вышиб шапку да с ней, как она надевалась ему на голову, и был таков. А Ак-Чалгаа ходил и спрашивал: не видел ли кто зайца в его шапке.

Так складывается каменный сказ.

Художник особым взглядом, особым пониманием умеет видеть в натуре то главное, что живет в народном восприятии и без чего нет образного представления. Он знает цену той скупости изображения, когда целое видится немногословно и остро, а немногие детали не перечисляют, «сколько волос у семи собак», как говорит тувинская поговорка, они красноречиво входят в искомый образ. Похоже, в одном месте мастер лишь скользнет по камню широким инструментом, уловив самую общую характерность, а в другом месте резец словно бы смакует, любуется живыми приметамы природы. Вкус резчика находит меру слагаемых гармонии и выводит верную равнодействующую. Оттого такая безупречная художественная соразмерность в этой резьбе, крепкая основательность при всех ее малых размерах и вместе изящность. И удивительное ощущение самобытности, словно прикосновение к тайне ушедших цивилизаций, испытываешь перед этим искусством — эпическим в своих извечно найденных формах, и сегодняшним, живым в дне идущем. Памятник вековой культуры? Да, памятник. И искусство, творимое сегодня.

Природа будто знала — одарила горы Тувы благодатным для резьбы серо-розовым, сероголубым, серо-зеленым камнем агальматолитом. Есть у тувинцев поверье: когда сказитель рассказывает сказку и сказка веселит душу, придет к тебе радость. И если побывать в Туве — значит увезти в себе любовь к Туве, ты полюбишь сказку тувинского камня.

В. И. Ольшевский